

АНДРЕЙ КАГАДЕЕВ

ХРОНИКИ
ДРАМАТИЧЕСКОГО
ИДИОТИЗМА

18+СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ВЕЗДЕЦ
издательский дом

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К 12

Художники:
Татьяна Кейн и Владимир Медведев, Андрей Кагадеев

Кагадеев А.
К 12 **НОМ. Хроники драматического идиотизма.** —
М.: ИД «Городец», 2021. — 400 с. : ил. — (Вездец)

Как пишутся песни и снимается кино? Что такое метод драматизации идиотических проявлений действительности и идиотизации драматических? Кто такой Одлопез? Сколько можно пить? Ответы на эти и многие другие вопросы вы узнаете, прочитав увлекательную книгу — правдивую историю «Неформального Объединения Молодежи», группы «НОМ», живой легенды Ленинградского Рок-клуба.

ISBN 978-5-907358-49-2

© А. Кагадеев, текст, 2021
© Татьяна Кейн и Владимир Медведев, Андрей Кагадеев,
дизайн, иллюстрации, 2021
© ИД «Городец», 2021

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПО ТУ СТОРОНУ
РАССВЕТА

1

Станция Рыбное расположилась на сто восьмидесятом километре железной дороги Москва-Рязань. После моста через реку Вожа пути противоположных направлений начинают расходиться в стороны, образуя меж собой некое железнодорожное пространство, на несколько следующих километров заполненное вагонными депо, специальными горками, рельсами, столбами с громкоговорителями, рабочими столовыми и прочими узкоспециализированными конструкциями. Над всем этим тянется длинный пешеходный виадук, по которому люди, не рискуя жизнью, пересекают многочисленные стальные пути, чтобы стать пассажирами электропоездов Голутвин-Рязань или же обратно, в зависимости от намерений. Жители Рыбного в большинстве своем традиционно обслуживали это пространство — в качестве работников депо, машинистов, ревизоров.

Мой дед Алексей Федорович Швечков после окончания войны пару лет еще служил в чине капитана при штабе советских войск в Германии под Магдебургом, куда он даже смог выписать жену с дочерью, но к 1947 году после демобилизации нужно было налаживать мирную жизнь, и он нашел себе тихую железнодорожную должность вкупе с комнатой в районе депо станции Рыбное Рязанской ж/д. Его жена Людмила Дмитриевна устроилась шеф-поваром в рабочую столовую, а дочь пошла в восьмой класс местной школы. Имя ее, Валентина Швечкова, и сейчас указано на специальной памятной доске, посвященной медалистам, выпуск 1949 года. Таким образом, пробуждение моего сознания происходило под стук колес, тепловозные гудки и запах креозота в шестидесятые годы в поселке Рыбное, куда меня и младшего брата Сергея возили к бабушке с дедушкой сначала просто так, а потом на время летних школьных каникул. Собственно, я и родился-то в Москве по пути в Рыбное. Мать моя тогда обучала немецкому языку школьников поселка Новолисино в Ленобласти, а папаша был вечным студентом ЛИИПа.

Дом на улице Мира, 14, в котором дед получил комнату, был 1946 года постройки, двухэтажный, из оштукатуренного кирпича, поначалу без туалетов в квартирах. Общественный деревянный сортир на несколько отверстий помещался тут же во дворе. Впоследствии все квартиры снабдили канализацией и поставили унитазы, но горячей воды так никогда и не было, все ходили в баню розового цвета, находившуюся поблизости за помойкой и работавшую по графику женских и мужских дней. Нас с братом поначалу, ввиду малолетства, в баню брала с собой бабушка, а потом уже дед. За домом для всех жильцов были устроены огороды, разделенные заборчиками, у нас в огороде росла большая яблоня Антоновка, доходившая прямо до балкона нашей комнаты во втором этаже. Яблоню эту невзлюбил склочный старик Гусев, которому она якобы застила свет в его окне на первом этаже. В конце концов, однажды ночью дерево было полито кислотой и засохло, пришлось его спилить. Перед домом, со стороны фасада, помещался длинный (по размеру дома) деревянный сарай, где у каждого жильца был свой отсек. В нашем отсеке в полу имелся земляной погреб, куда нужно было спускаться по лесенке и где на полках хранились банки с вареньем и огурцами, а также стояло эмалированное ведро с домашним квасом белого цвета, кой постоянно воспроизводился и употреблялся. А еще в сарае имелся чердак, где, среди пыли и солнечных лучей, проникавших в щели между досками, любопытный ребенок мог найти, к примеру, материн старый патефон и несколько ящичков с пластинками, патроны от дедовского пистолета, который, говаривали, он привез с войны вместе с эсэсовским кинжалом, да потом куда-то дел, утопил что ли, от греха. Там же, на чердаке, обнаружилась семиструнная гитара. Играть на ней никто не умел, откуда она взялась — непонятно, и я пытался что-нибудь подобрать на одной струне. Сам собой получился некий рокенрольно-блюзовый квадрат (по схеме ААВА), в тексте которого рифмовались слова «ногу» и «носорогу». А еще, на основе идиоматических выражений, употребляемых нашей бабушкой, родилась целая песня, которую мы с братом распевали на кухне, сидя на лавке, для соседских старух. Вот такая это была песня:

«Свинух, свинух, хороший свинух!
Жил-был мальчик, он взял яблоко
И его наел.
А бабушка сказала: Свинух! Свинух!»

На дворе стоял 1967 год, мне было 6 лет, в школу я еще не ходил, телевизора у нас не было, помню лишь проигрыватель и грам-пластинки Жана Татляна. А где-то там далеко группа The Beatles записала альбом про «Сержанта Переца», за океаном появились The Doors, и много еще чего интересного происходило в окружающей атмосфере того года...

2

Первый раз в первый класс я отправился в сентябре 1968 года в «городе муз» Пушкине. Именно там начал трудиться на рембазе (военном аэродроме) мой отец по окончании института, и где он получил комнату аж в 29 квадратных метров с балкончиком на улице Радищева. После десятиметровой конуры с сортиром в коридоре в деревянном общежитии поселка Новолисино это было шикарное жилище с туалетом, ванной и газовым водогреем. Кроме нас, в квартире проживали еще два семейства — дядя Миша и тетя Нина с сыном («Нина — голова болит») и женщина с подростком Валеркой — семья уголовника, отбывавшего пятнадцатилетний срок за убийство. Комната эта в каком-то роде оказалась ловушкой — в то время в Ленинграде «ставили в очередь на квартиру» лишь в том случае, если метраж на одного члена семьи был меньше 7 квадратных метров, а у нас на четверых — 29... Вскоре еще полосатый кот Мурат добавился. Ближайшие 16 лет мы будем сосуществовать в этом очень небольшом, в сущности, пространстве. Школа номер 410, в которой нам с братом предстояло учиться, находилась через улицу, в трех минутах ходьбы. Покатились школьные годы чудесные — сначала в серой шерстистой форме и с октябрянскими звездочками, потом форма стала темно-синей диагоналевой, звездочки сменились звеньями, пошли торжественные обещания, прием в пионеры в военном городке, линейки, клятвы, собрания, а там и комсомольская юность не за горами... Вспоминаю семейный поход на премьеру «Бриллиантовой руки» в 69-м, выход на экраны первого исторического выпуска «Ну, погоди!» и вскоре «Бременских музыкантов». Эти выдающиеся произведения советской мультипликации ушлые работники кинотеатров специально вставляли в киножурналы перед скучными фильмами, и мы ходили на те сеансы исключительно ради киножурналов. Важнейшую роль в тогдашнем мировосприятии для нас, детей, конечно, играли книги — Чуковский, Пушкин, Ершов, Волков, Родари, Гайдар, Носов, Беляев, Кассиль, Драгунский, Жюль Верн, Дюма, Джек

Лондон, Марк Твен. Как-то, будучи простуженным четверо-классником, я наткнулся дома на два томика писателей Ильфа и Петрова — «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» — вот это оказалась Литература! Источник чистого эстетического удовольствия, с тех пор перечитывал их несчетное количество раз, а до этого — только «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. Важнейшим событием также стало появление в доме четырехтомника Херлуфа Бидструпа. Художника лучше нет.

В семидесятые годы в нашей стране развитого социализма ощутимо не хватало чего-то яркого и необычного, зато серого и одинакового было в избытке. Книжные полки в магазинах за-

полняли какие-то георгии марковские и юханы смуулы, которых никто не читал, по телевизору шли нескончаемые «сельские часы», «служу советскому союзу» и «ленинские университеты миллионов». Случались походы всем классом в ТЮЗ Зиновия Корогодского. Как сейчас понимаю, это было золотое время для театра — в ролях сплошь звезды: Тараторкин, Шуранова, Иванов, Волкова, Каморный, Хочинский. Теперь таких артистов нет. А вот в школе классная руководительница организовала для учеников кружок ЮЮ — «Юный Юрист». Несколько ее доверенных лиц (попросту стукачей) в течение недели следили за одноклассниками и собирали информацию о всяких мелких нарушениях, а в субботу провинившимся вручали «повестку» в суд. Тройка, составленная опять же из доверенных назначенных ученичков, вела судебное разбирательство. Меня как-то вызывали в суд по обвинению в ношении перстня, сплетенного из цветных проволочек (видимо, это была какая-то полууголовная детская мода). Славные семидесятые!.. Впрочем, учился я хорошо, это было нетрудно. Помимо учебы, меня отдали «на музыку» — класс игры на аккордеоне, сначала в Доме Офицеров, потом в музыкальной школе. Еще я, по совету физрука, записался в секцию спортивной гимнастики Пушкинской ДЮСШ.

Наша пионерская, как в былинах, «дружина» носила имя Зои Космодемьянской, всем членам организации обязательно вменялись общественные нагрузки. Я рисовал стенгазеты. Помню, однажды, по итогам дежурства, я изображал в карикатурном виде

различных нарушителей дисциплины. Один ученик был задержан с ножом. Я набросал волосатого злодея в клешах с огромным тесаком и подписал: «Сегодня с ножом — завтра с пистолетом!». Году в 91-м, когда группа «НОМ» участвовала в фестивале «Интернеделя» в Новосибирском Академгородке, злопамятный Александр Ливер вдруг вспомнил, как у него давным-давно дежурные по школе отобрали хороший перочинный ножик, а потом еще и обидно высмеяли в стенгазете. Круг замкнулся. Впоследствии я сочинил две поэтических композиции, основанные на реальных событиях, происходивших в 410-й школе. Вот же они.

Школьная история №1

Сквозь жир и наслоения годов
Я смутно различаю шар хрустальный,
В нем класс, ряд круглых стриженных голов,
Учительницы старой взор печальный...
В тот день апреля Феб сошел с ума,
С небес золотые стрелы рассыпая
За сонмом сонм. Ступай-ка прочь, зима!
И щурилась учителька седая.
Лет восемьдесят было ей на вид —
Обычный самый педагог невзрачный —
Душою видит, сердцем говорит,
Учить подростков — вот ее задача!
Она толкует им о доброте,
Крупой последней учит их делиться,
Про Инь и Янь, про свет, что в темноте,
И как не позволять душе лениться...
Но к телефону вдруг зовут ее
В учительскую комнату, что выше
Этажом. Старушка, прервав свое
Занятие, выходит в коридор,
И звук шагов ее звучит все тише, тише...
Один подросток, из плохой семьи,
Таясь и пригибаясь, по проходу
Крадется к кафедре, глаза свои
Бесстыжие тараща, будто сроду
Вещей чужих не видывал, наглец.

Берет часы завода «Луч», скотина,
Которые учитель на столе оставила,
(Простим старухе слабость),
И со всей силы об пол их хватил!!!
А ручку с золотым пером, которая
Со Сталинских времен служила ей как новая —
Об стол ее, подлец! Об стол!!
Затем, чернила все спустив
В корзину для бумаг и стук шагов
Старушечьих слышит в коридоре,
К себе на место шмыгнул и затих.
Класс молчал...
Старуха-педагог, кряхтя притом,
За столик свой учительский садится,
Берет часы — ах! — верится с трудом:
Часы не ходят. Что могло случиться?
И ручка, что служила столько лет,
Пришла в негодность... Что могло случиться?
Нет ответа. Лишь под партой
Корчится шутник чернявый,
И равнодушно класс молчит...
О времена, о люди!
Что могло случиться с вами?
Вы можете забыть про честь, про совесть,
Вы можете забыть про матерей,
Но никогда! Вы слышите? Прошу вас, заклинаю!
Не смей!!!
Не смейте забывать учителей.

Школьная история №2

Хлеб. Обыкновенный хлеб ржаной.
Что проще может быть, чем хлеб?.. —
Учитель снял очки в пластмассовой оправе
И карий взор печальный к классу обратил,
Кудрявой головой качая,
Педагогическим приемом приглашая
Подростков задуматься над темой

«Ленин прост, как хлеб».

— Пареная репа! — с последней парты крикнул
Долговязый ученик чернявый
И громко и разнузданно заржал
Над шуткой собственной не высшей пробы.

— К-как... Как м-могли вы? — учитель, заикаясь,
Со слезами на глазах миндалевидных
Лишь только это вымолвить и смог,
Но, быстро в руки взяв себя,
Поправил галстук клетчатый и твердо произнес:

— Вон. Вон из класса!

— А че я сделал? — продолжал глумиться
Шутник с «камчатки», глаза свои бесстыжие тараща,
— Вы права не имеете!..

— Я не стану продолжать урока,
Пока вы не покинете мой класс. И без родителей
Не смейте больше в школе появляться. Вот так.
Не ожидая такого оборота,
Хулиган сраженный пытался было затянуть:

— Простите! Больше я не буду!
Но непреклонен был кудрявый педагог —
Не зря его учили в институте!
Завороженно класс следил
За поединком педагогической науки
И стихийного дворового начала.

— Итак, на чем остановились мы, ребята? —
Смог наконец продолжить после того,
Как дверь за нарушителем закрылась,
Усталый педагог..

История на этом не кончается!
Во время летних плановых каникул
При школе лагерь был устроен для детей
Не слишком обеспеченных родителей —
Ну там столовка, садик школьный
И спортивная площадка
С нехитрым же и спортивным инвентарем,
Не весть разнообразие какое, но все же
Лучше, чем по помойкам шастать,
Курить в подъезде и бомбочки

Из магния и марганцовки мастерить,
Пока на кабельном заводе мать с отцом горбатятся.
Так вот — учитель тот же по совместительству
Начальником при лагере работал
И свой талант недюжинный
Внеклассной организатора работы
Проявлял на этом поприще —
Устраивал линейки, состязания и даже
Юных друзей ГАИ кружок
При школе учредил. Гораздо позже
На Всесоюзном конкурсе в Ростове-на-Дону
Друзья ГАИ призы завоевали:
Футболки, вымпелы, значки,
Пластинки и японский зонтик!
Но не об этом речь.
Чернявый двоичник наш
Летом к морю не поехал,
И дачи тоже не было у них.
С двумя подростками другими, что поглупее,
Он зато сдружился.
Июльским теплым утром, лишь солнце нежно
Позолотило ветви каратебусов,
Что в школьном садике спокон веков плодоносили,
Вся троица туда явилась...
Шутник чернявый, сняв штаны, присел под куст
И на газетку испражнился,
Дружок его при этом
Поддерживал газету, а другой
По сторонам глядел — нейдет ли кто?
Никто не шел.
А дальше? Вы спросите — что дальше?
Дальше стынет в жилах кровь:
Флагшток на спортплощадке,
Где ежеутренне на лагерной линейке
Дружины школьной стяг взвивался,
Дружки обильно вымазали калом!!!
Вокруг флагштока же звезду Давида
Они искусно выложили из камней и,
Окна в классе вдребезги побив кирпичными обломками,

Бесследно скрылись в близлежащем парке.
Милицию потом позвали, да без толку —
Хулиганов тех так никогда и не нашли.
Но каково бедняге-педагогу:
Чернявый знал, куда больнее садануть —
Ведь в отчестве своем имя отца Ханон
Переиначить на Ефим учитель вынужден был!
(Веленье времени тогдашнего).
Да и сынок учительский немало горя
Отцу родному, между нами, доставлял —
Носил прическу волосатую, брэнчал
На электрической гитаре, сено
Курил и пил вино дрянное.
Лет через пятнадцать, правда,
Став бизнесменом-депутатом от Верховного Совета,
Тот сын в Москве, в столовке,
Где депутаты подъедались, в очереди
Другому депутату, от либеральных демократов,
За что-то там прям в морду звезданул.
Extra muros!
Так что же проще может быть,
Чем хлеб?..

Покупка магнитофона «Астра» многое изменила. Теперь, помимо разыгрывания домашних кукольных спектаклей, постановкой которых мы с братом сильно увлекались, стало возможно записывать целые «радиопостановки», имитируя различные звуки с помощью канцелярских счетов, листов железа и пр. В доме появились записи подпольных концертов Высоцкого, на один из таких концертов, помню, родители ходили в Павловский ДК. Жаль, меня не взяли, был бы исторический опыт. Я завел себе персональную магнитофонную пленку, 375 метров, чтобы записывать понравившиеся песни, преимущественно иностранного происхождения: *Is there anybody going to listen to my story..., 99 pounds...* Летние каникулы мы по-прежнему проводили у бабушки. Однажды, по пути в Рыбное, в переходе между Ленинградским и Казанским вокзалами я услышал необычную музыку. Источником был столик с барабаном для розыгрыша моментальной лотереи, копеек за 20. На выигранные деньги можно было тут же купить голубую

гибкую пластинку, звуки которой меня и привлекли. Я выиграл один рубль, пластинка стоила копеек 60. На ней было написано: «Вокально-инструментальный ансамбль». Песни безымянного ансамбля назывались так: «Любовь нельзя купить», «Мадонна», «Серебряный молоток»... Постепенно стало приоткрываться окно в другой, волшебный мир, не имевший ничего общего с окружающей действительностью. Вскоре мне посчастливилось держать в руках плотный картонный конверт с изображением летящих в огненном шаре по ночному небу волосатых мужчин — альбом Deep Purple «Fireball». «Катись, катись, яблочко, по серебряному блюдецку, покажи нам страны заморские»... Сколько магии таилось в этом черном вращающемся виниловом круге, какой простор для фантазий открывался! Следующим стал двойник «Jesus Christ Superstar» — нечеловеческая музыка, оперный шедевр Уэббера. Так я и стал «филофонистом», то бишь пристрастился искать и переписывать на магнитофонные бобины альбомы заграничных рок-групп, любых, какие попадались.

Именитый англичанин Стивен Фрай в своих мемуарах отмечает, насколько музыкально-изобретательными и щедрыми на таланты были семидесятые годы в Великобритании, особенно их первая половина. Судите сами: Pink Floyd, Slade, Genesis, Yes, Led Zeppelin, Deep Purple, Manfred Mann, Black Sabbath, Jethro Tull, King Crimson, David Bowie... Список можно долго продолжать. Выход в свет «The Dark Side Of The Moon» вообще был подобен атомному взрыву. И что предлагала нам отечественная официально-музыкальная палитра: «Самоцветы», «Добры молодцы», «Пламя», «Веселые ребята» (Gay Guys), «Лейся, песня», «Здравствуй, песня», «Синяя птица»... Черт ногу сломит отличить их друг от друга. Одинаковая уныло-бодрая хрень. Как говорится, почувствуйте разницу. Естественно, я целиком и полностью увлекся «идеологически чуждой» зарубежной музыкой. В конце концов, это важная часть современной культуры, к которой всегда тянется молодежь. Иностранное кино мы могли видеть только то, которое попадало в прокат, книги читать только те, которые разрешили, перевели и издали, а вот музыку — шишок вам под носок! Свобода выбора и отдушина. Иностранных пластинок на подпольном рынке крутилось великое множество, привезенных из «загранки» моряками торгового флота, закончившими «Макаровку». При наличии средств их покупали, средняя цена

была 40–60 рублей, но обладатели часто давали диски и просто так, записать, главное, чтоб «не запилили». Таким образом, моя фонотека быстро пополнялась. И дружба между нами, уже восьмиклассниками, теперь строилась на общности музыкальных интересов. На почве увлечения рок-музыкой я близко сошелся с двумя товарищами по классу — Колей Родионовым и Сергеем Казаковым. После интенсивных тренировок в спортшколе перед соревнованиями я загремел в больницу с почечными проблемами, тренировки пришлось оставить, занятия в музыкальной школе тоже не приносили должной радости, и я их забросил, но зато теперь сильно захотелось научиться играть на гитаре. Мы с Казаковым уговорили родителей купить нам в «Культтоварах» простейшие инструменты, стоимостью рублей в 15, и записались на гитарные курсы в Пушкинский ДК.

В нашей 410-й школе на первом этаже, напротив пионерской комнаты, находилась так называемая радиорубка. При необходимости из нее можно было транслировать торжественные речи и праздничные марши. Но кроме того, там хранился всякий электрический хлам. В его составе были микрофоны, провода, ламповый усилитель и бас-гитара «Орфей» болгарского производства, по форме как у самого сэра Пола. Что-то было и из ударных, как минимум недостатка в пионерских барабанах тогда не наблюдалось. На уроках труда мы поголовно изготавливали самодельные электрогитары. Обыкновенный звукоусилитель с зажимом для крепления свободно можно было купить в «Культтоварах» за 8 рублей, а за 22 рубля продавался целый «темброблок» — изящное устройство с двумя датчиками и регулировкой тембров и громкости, которое легко крепилось к обычной акустической гитаре, превращая ее в электрическую. Коля Родионов, еще будучи пионером, числился в дружине барабанщиком, а значит, имел опыт игры на ударном инструменте, мы же с Казаковым осваивали гитару. Параллельно шла работа над внешним видом — в брюки от школьной формы наши матери вшивали клинья, ибо советская промышленность упрямо не выпускала клешей, а волосы мы со скандалом отращивали так, чтоб хотя бы закрывали уши. Все предпосылки для создания школьного ансамбля были налицо. Атмосфера семидесятых искрилась.

Свои последние школьные каникулы 1977-го я, вопреки обыкновению, провел в Рыбном не целиком, так как первую поло-

вину лета добровольно трудился в ЛаПушКо (Лагере Пушкинских Комсомольцев). Мы таскали валуны на полях Олонецкого района в Карелии, пропалывали турнепс, невинно флиртовали, играли в футбол, курили за туалетом — словом, вели полноценную подростковую жизнь. В одном из номеров «Комсомольской Правды» я наткнулся тем летом на маленькую заметку, сообщавшую, что «в Мемфисе умер король рок-н-ролла Элвис Пресли». Я еще подумал — а что его занесло в Мемфис, это ж Египет?.. Денег за тяжкий детский труд на совхозных карельских полях нам не платили, сказали, что все заработанное в летнем лагере пойдет на нужды школы. Мы с Казаковым набрались наглости и заявили учителям, что хотели бы также пополнить инструментарий школьного ансамбля, имеем право. Нам без особых возражений неожиданно выдали наличными 1000 рублей (пачку десятирублевков), громадная сумма! В пушкинских «Культтоварах» мы приобрели электроорган «Юность» за 500 рублей и транзисторный усилитель «Электроника» с колонками, а на оставшиеся деньги в комиссии в Апраксином дворе ухватили комплект ударных — напольный том, хай-хет, тарелка и малый барабан производства Чехословакии, отечественные гитарные педали «квакушка» и «бустер» довершили комплект. Теперь вечером, сделав уроки, мы спешили назад в школу репетировать в актовом зале. Группу нарекли The Beat, уже не помню, чем руководствуясь. Состав: Сергей Казаков — вокал, бас, гитара; Андрей Крянев — клавиши; Николай Родионов — ударные; Андрей Кагадеев — гитара, бас. Дебют и последующие живые выступления проходили в школьном актовом зале на танцевальных вечерах. При выборе репертуара мы руководствовались исключительно соображениями собственного вкуса, никакого учительского или комсомольского давления не испытывая. Песни подбирали и играли как умели, иногда разучивали по нотам, если таковые попадались. Вот какой треклист у нас образовался: The Animals “House of the Rising Sun” / Christie “Yellow River” / Shocking Blue “Venus” / Uriah Heep “July Morning” / Slade “Coz I Luv You” / Jesus Christ Superstar “Gethsemane” / Deep Purple “Sail Away”, “I Need Love” / Pink Floyd “Wish You Were Here”, “Pigs” / Ten Years After “Love Like a Man” / М. Боярский «Бармалей». Странноватая смесь. Нам было по 16 лет, эти песни произвели тогда сильное впечатление на нас, к тому же это была вполне себе популярная и даже танцевальная музыка по тем временам. Если имелся

в наличии оригинальный текст, то пели на языке оригинала, при отсутствии такового была альтернатива — петь на слух или использовать русскоязычные «дворовые» варианты. Разобрать голландско-венгерский акцент солистки Shocking Blue в песне *Venus* не было никакой возможности, поэтому пели по-русски: «А мне вчера приснился сон / Был очень интересен он / Приснилось мне, что я лечу / Приснилось мне, что я кричу / Венера! Помоги мне, Венера!..» Или вот еще: «Приходит день, и солнца луч / Горит в глазах твоих / Оно свой длинный и долгий путь / Прошло для нас двоих...» Это «Дом восходящего солнца». Высокая поэзия. А вот для *Yellow River* имелась профессиональная версия ансамбля «Поющие гитары»: «Есть герой в мире сказочном / Он смешной и загадочный / На крыше дом, ну а в нем живет он / Толстый Карлсон!»... Арию Христа из знаменитой рок-оперы мы выбрали не по религиозным соображениям. В этом плане наша комсомольская эрудиция была даже не нулевой, а скорее отрицательной. Никто вообще не догадывался, о чем шла речь, и о какой чашке с такой страстью пел Гиллан — «take this cup away from me!». Просто это была прекрасная музыка и одна из лучших партий, спетых Гилланом: «God, thy will is hard, but you hold every card...» Английский же язык, который нам преподавали в школе, имел мало общего с настоящим.

Каков был наш опыт по части посещения живых рок-концертов? Практически никак. В ДК Горького я бывал на выступлениях «Поющих гитар» и ансамбля «Дружба» с солисткой Эдитой Пьехой. Артисты выглядели стильно — клеши, туфли на платформе, электрогитары... Но обстановка представляла из себя театральный зал с красными плюшевыми креслами, публика культурно-сдержанная: женщины с прическами, вежливые аплодисменты, антракт с буфетом. Да и рок-репертуар был какой-то идеологически-выдержанный и назидательно-патриотический. «На гранитную плиту положи свою конфету, как и ты, он их любил, здесь когда-то лагерь был, детский лагерь Саласпилс...». «Не скоро травую поля зарастут, а город подумал — ученья идут...». В том же ДК Горького мы с Колей Родионовым, правда, побывали и на концерте самого Би Би Кинга — мать каким-то образом достала контрамарки. Зал был набит битком, мы сидели на самом верху на ступеньках, пузатый маэстро наяривал на черной гитаре в сопровождении не-

гритянского биг-бэнда с чернокожими солистками, одним словом, Событие. Но все же это замечательное зрелище больше имело отношение к джазу. Еще к нам в СССР приезжал Клифф Ричард, Ленинградское ТВ сняло несколько телеверсий его песен и долго потом показывало эти псевдоклипы, особенно популярной была песня «Женщина — дьявол».

В 1977 году группа Pink Floyd выпускает альбом «Animals». Поэтические образы Псов, Свиней и Баранов из одноименных песен родились в голове Роджера Уотерса под влиянием повести Джорджа Оруэлла «Animal Farm». Ни кто такой Оруэлл, ни о чем он писал, мы понятия не имели, я думаю, писатель тогда был в списке запрещенных авторов в СССР, но волшебная сила искусства в этом концептуальном музыкальном творении британских рокеров для нас просто зашкаливала. Каким-то образом у Коли Родионова оказался заветный винил с фотографией электростанции «Баттерси» на конверте. Практиковалось такое священнодействие: колонки проигрывателя опускались на пол, поворачивались динамиками друг к другу, ты ставил иглу на пластинку, ложился на пол головой между колонками и, закрыв глаза, улетал на крылатой свинье в страну «Рок-музыка»...

Эти самые музыкальные альбомы имели для нас большое значение. Они были как книги — их нужно было обязательно «прочитать» от начала до конца, а потом «перечитывать». Музыка звучала дома постоянно, как громкий фон, под нее делались уроки, принималась пища, читались книги. От любимых авторов ждали следующих альбомов — что они там еще придумают? После «Animals» поползли слухи — следующий альбом Pink Floyd будет называться «Стена»... Ну и мы, следуя правилам игры, начали сочинять и записывать свои собственные «альбомы». Только не в школе, а дома у Казакова на бытовой магнитофон — у него была своя комната. В результате этих опытов креативной деятельности у нас постепенно рождалась своя дискография на бобинах и даже с самодельным художественным оформлением. При записи использовались гитары, аккордеон и множество перкуссий — от картонных коробок до бубнов, этакий оркестрик а-ля Паскаль Комелад. У альбомов были названия: «Toptunation», «Ivan-Fool and Steppenwolf», «Dark Abyss», «System Ы»... Сохранились лишь отрывочные воспоминания, о чем мы тогда хотели поведать миру:

Мы идем по лесной тропе,
Старый Филин сидит в дупле...

*

Эй, медведь, эй, медведь,
Хватит в берлоге тебе пердеть,
Эй, медведь, выходи поскорей
Да постой за бедных зверей!

*

He was a Steppenwolf —
А он начальник Главка!
He was a Steppenwolf —
В его приемной давка!...

*

Людам очень нужен асфальт,
Людам очень нужен гудрон,
А кто будет делать этот асфальт?
Кто будет делать этот гудрон?..
Асфальтовая боле-е-езнь
Неизлечимая!
Асфальтовая болезнь
Моя любимая
Болезнь.

*

Я забыл сегодня шапку, а на улице — мороз.
Уж не чаял повстречать его я,
Но однако ж черт принес:
Здравствуй, здравствуй, менингит,
Старая ты сволочь,
Здравствуй, здравствуй, менингит!
Прощай, молодость...

МОЛЫЖ

и

РАТЛИНГЕОН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГОТЛИВ МОЛЫЖ — *объевреившийся индеец, пятидесяти лет, дебил, глухой полностью*

ПАТРИК КАРЛИНГСОН — *масса морщин, жил и желваков по всей поверхности тела и лица, недоносок, 40 лет.*

**Приглашенный оратор,
родственники покойного.**

Время действия —
VIII четверть XX века.
Место действия —
Северо-Западный
Военный Округ.

Дарья I

Курганское кладбище.
Холодный
ветренный день,
поздняя осень.
Часов семь вечера.
Темнеет.

Молыж

(выкидывая из ямы очередную лопату земли)
Блестит!

Кончатся дальше.
В стороне всхлипывают
родственников покойного. Их много.

Приглашенный оратор

Шеф, чего блестит-то? (Шепотом) Тебе чего,
мало что ли? Погоди, я сейчас скажу, чтоб
еще накинули. После поделим.

Молыж

(с чувством) Блестит!!

Оратор

(Молча поворачивается и медленно уходит,
шепча на ходу) Вот сволочь!

Неожиданно начинается
играть оркестр.
Перекрывая его, доносясь
из ямы хриплый голос Молыжа.

Молыж

Блестит!

Оркестр так же внезапно
смолкает.

Из ямы показывается
могилстая голова Мольж.
Родственники в испуге берут гроб
и быстро уходят.
Мольж плачет
и долго машет им вслед.
Спохватившись, бежит к ограде
и, просунув голову сквозь прутья,
кричит вогонку
уходящему автомобилю.

Мольж

За это вам ручается журнал "Хочу все
знать"!

Автомобиль прибавляет газу.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПО ТУ СТОРОНУ РАССВЕТА

1	9
2	12
3	31
4	34
Молыж и Карлингсон.....	43
Инженер Гроссбауэр.....	71
Протез.....	75

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СЕРДИТЫЙ ОКРИК И ТАИНСТВЕННАЯ ПЛЕСЕНЬ

БРУТТО	87
К ЧОРТЯМ СОБАЧЬИМ.....	109
СУПЕРДИСК.....	137
Страус.....	165
СЕНЬКА-МОСГ/ХАЗ	247
«ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО»	265
ВО ИМЯ РАЗУМА	267
ЖИР.....	292

EXTRАСОМРАСТ и ПАСЕКА	301
ОЧЕНЬ ОТЛИЧНЫЙ КОНЦЕРТ и другие	312
НОМФИЛЬМ и КОЛХУИ	321
БОЛЕЕ МОЩНЫЙ и XX ЮБИЛЕЙ	329
ФАНТОМАС и ПРЕВЫШЕ ВСЕГО	331
ЗВЕЗДНЫЙ ВОРС	337
В МИРЕ ЖИВОТНЫХ и XXV ЛЕТ	349
ТРИЛОГИЯ	354
ВЕСЕЛАЯ КАРУСЕЛЬ и МАЛГИЛ	363

